

С.В. Белов

ХРИСТИАНСКИЙ СМЫСЛ "ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ
ИНКВИЗИТОРЕ" В "БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ"

Как отличить правду от лжи в "Легенде о Великом инквизиторе" в "Братьях Карамазовых"? Ведь помимо бездонной религиозной глубины надо учитывать три голоса "Легенды" – самого Достоевского, Ивана Карамазова и Великого инквизитора.

Мировоззрение Достоевского в целом выражено во всей заключенной в его произведениях символике Добра, и эта символика Добра, т.е. диалектический результат целого, вырастает при полном учете всех идей – образов, венчаемых идеей Добра. Только учитывая эту символику Добра, можно понять "Легенду о Великом инквизиторе", понять молчание Христа перед Великим инквизитором. Великий инквизитор не понимал, что это молчание и есть лучшее опровержение всех его аргументов, ибо, как говорил Исаак Сирин, которого читает перед уходом из жизни Смердяков: "Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие этого мира".

Великий инквизитор не понимал, что одним фактом своего появления Христос опровергает все его аргументы. И хотя, на первый взгляд, как будто ясно, что религиозная истина только выигрывает в сравнении с монологами Великого инквизитора, однако диалектика "Легенды" совсем не проста и иногда бывает трудно отличить все три плана ее содержания, отделить правду от лжи и понять всю казуистику Ивана и Инквизитора. Данная работа иж является опытом медленного чтения "Легенды".

"У меня на сцене является он, – говорит Иван, – правда, он ничего и не говорит в поэме, а только появляется и проходит. Пятнадцать веков уже минуло тому, как он дал обетование прийти во царствии своем... Но человечество ждет его с прежней верой и с прежним умилением. О, с большей даже верой, ибо пятнадцать веков уже минуло с тех пор, как прекратились залоги с небес человеку..."^{x)}

^{x)} Цитаты приводятся по изд.: Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: в 30 т. Т. I4, Л., 1976.

Первая ложь Ивана Карамазова. Он судит всех по себе, меряет всех по своей мерке. Для него - да, прекратились, но для таких, как Зосима, Алеша Карамазов, то есть для чистых сердцем не "прекратились залоги с небес".

"И вот он возжелал появиться хоть на мгновенье к народу, - к мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему его народу... О, это, конечно, было не то сопствствие, в котором явится он, по обещанию своему, в конце времен во всей славе небесной и которое будет внезапно, "как молния, блистающая от востока до запада".

Ни Иван Карамазов, ни Великий инквизитор, неверующие в бога, не могли бы говорить о втором пришествии Христа. Здесь уже в повествование вмешивается сам Достоевский. И в дальнейшем надо строго различать все три плана "Легенды": слова Ивана, инквизитора и самого Достоевского, причем, пробираясь в этом лабиринте мысли, надо твердо знать и помнить, что и Великий инквизитор может вдруг сказать правду, точнее даже вынужден это сделать, когда перед ним находится Христос.

"Он останавливается на паперти Севильского собора в ту самую минуту, когда во храм вносят с плачем детский открытый белый гробик... "Он воскресит твоё дитя", - кричат из толпы плачущей матери. Вышедший навстречу гроба соборный патер смотрит в недоумении и хмурит брови".

Здесь опять мысль самого Достоевского. Почему соборный патер "хмурит брови"? Да потому, что клерикализм, в данном случае, проповедники и проводники страшной инквизиции, не любят настоящих чудес, т.к. сами создают ложные чудеса.

Девочка подымается... В народе смятение, крики, рыдания, и вот, в эту самую минуту, вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал, Великий инквизитор. Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск".

В описании портрета инквизитора чувствуется голос Достоевского, который изобразил его как человека "мира сего". И где бы и когда бы не появлялся инквизитор, он всегда будет "мира сего", начисто лишенный духовной сущности, т.е. спо-

собности быть не от "мира сего", проникать в "миры иные".

"Он останавливается перед толпой и наблюдает издали. Он все видел, он видел, как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось".

Опять мысль самого Достоевского, который проникает в корни клерикализма. Как и соборный патер, инквизитор недоволен тем, что воскресение девочки произошло через Христа, а не через служителя церкви.

"Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать и сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это, или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков..."

Каким бы всемогущественным не был или не казался себе Великий инквизитор, он все же боится Христа, как всякая ложь боится правды, и Достоевский так строит Легенду, что чем больше говорит инквизитор, тем больше обнаруживается вся ложь его монолога. И все слова Великого инквизитора (это потом понял Алеша Карамазов) – являются гимном своему пленнику (как сатана в пустыне своими искушениями только помог еще лучше, воочию увидеть и понять истину).

Инквизитор продолжает свой монолог перед Христом: "И тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгребать к твоему костру угли, знаешь ты это?"

Это казуистика Ивана Карамазова и Великого инквизитора. Казалось бы все правильно в этом предложении. История показывает, что так и было неоднократно на самом деле. Однако, это ложь. Достаточно сделать лишь одно небольшое уточнение, чтобы это понять. Весь народ никогда не пойдет "подгребать" к костру Христа угли. Всегда найдется хоть один человек, который не предаст его.

- А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?

- Да так и должно быть во всех даже случаях, - опять засмеялся Иван. - Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде оказано".

Опять казуистика Ивана Карамазова. Это ложь, что пленник всегда молчит, не говоря уже о том, что молчание Христа в данном случае является сильнее всех слов инквизитора. "Легенда о Великом инквизиторе" заключает в себе "доказательство от противного". Обвиняя своего пленника, инквизитор произносит убийственный приговор своему делу. Отняв у человека духовную свободу, он кончит неизбежно рабством. И, наоборот, в молчании Христа заключается гимн духовной свободе человека, его духовному началу.

Достоевский делает величайшее духовное открытие о свободе человеческой личности.

Инквизитору кажется, что он обвиняет Христа, а на самом деле он еще больше разоблачает свое зло. Его монолог как раз показывает, что он ненавидит Христа и его учение, считая, что оно нереально, не годится для людей, не любит людей, а вот он, инквизитор, гордится тем, что спасает человечество от этой непосильной для него духовной свободы.

Однако зло видно и невооруженным глазом, поэтому Великий инквизитор и маскируется видимостью добра, надевает маску подобия истины. Но Достоевский разоблачает этот обман и срывает эту маску.

"Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой ли свободы?"

- Я опять не понимаю, - прервал Алеша, - он иронизирует, смеется?"

Алеша, чистый сердцем, не может понять этой демонической гордыни, не может понять пока, что в данном контексте Иван Карамазов полностью солидаризируется с инквизитором.

- Нимало. Он именно ставит в заслугу себе и своим, что наконец-то они побороли свободу и сделали так для того, чтобы сделать людей счастливыми. "Ибо теперь только... стало возможным помыслить в первый раз о счастьи людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливы? Тебя предупреждали, - говорит он ему, - ты не имел недо-

статка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений..."

Все опять ставится с ног на голову, и происходит небольшая как-будто бы и почти незаметная подмена. За всякое зло в мире виновным объявляется не человек, а Бог. Иван Карамазов и Великий инквизитор, не верящие в Бога, производят еще одну подмену: "Ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам."

Великий инквизитор хотел бы, конечно, чтобы все поверили, что именно ему Христос доверил вершить дела земные: "Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать, и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?"

Опять Великий инквизитор переосмысливает слова Христа апостолам, что они имеют право "вязать" и "разрешать". Однако не своей волей, а христианским духом. Но в казуистике инквизитора добавляется и ложь Ивана, пытающегося доказать, что Христос завещал человеку свободу без него, а не с ним.

"Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, - продолжает старик, - великий дух говорил с тобой в пустыне..."

Здесь опять ложь инквизитора. Совсем не страшный, не умный и не великий дух - этот дух самоуничтожения и небытия. Наоборот, это ничтожный и подлый дух. Только такой дух и решил "исправить подвиг" Христа.

"Мы исправили подвиг твой", - заявляет Инквизитор, - и основали его на чуде, тайне и авторитете".

Но инквизитор опять производит подмену, так как он и ему подобные воздействуют на сердца людей не через чудо, тайну и авторитет, а через чудесность, таинственность и авторитетность. А это совсем не одно и то же.

"На месте храма твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей..."

В монолог инквизитора снова "вмешивается" сам Достоевский. Великий инквизитор признается, что строит лишь Вавилонс-

кую башню, и признается, что она не достроится. Перед Христом он вынужден говорить правду.

"Да неужто же и впрямь приходил ты лишь к избранным и для избранных?" - вопрошает Великий инквизитор, полагая, что основная масса была "не в силах вместить столь страшных даров" и послужила лишь "материалом" для этих избранных.

Но инквизитор опять ставит все с ног на голову, ибо как раз наоборот: христиане сами являются "материалом" для "остальных слабых людей".

В "Легенде о великом инквизиторе" Достоевский сконцентрировал все аргументы против истинного добра и истинной веры и опроверг их.

Один из аргументов, например, заключается в том, что Великий инквизитор считает себя более добрым, более справедливым к людям, чем сам Христос. "Чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие?" - спрашивает инквизитор, но спрашивает так, что в ответе можно не сомневаться.

Но Христос проповедовал совсем другое. Только "нищие духом" и чистые, смиренные сердцем и способны проникнуться этими замечательными (а не "страшными") дарами.

Достоевский ставит и разрешает очень важный нравственный вопрос о воспитании человека: или неизменно "облегчать" человеку быть "слабым", доказывать ему постоянно, что он "слаб", или, наоборот, не давать ему быть слабым человеком и всегда вести его к духовному совершенству.

"То, что имею сказать тебе, все тебе уже известно, я читаю это в глазах твоих. И я ли скрою от тебя тайну нашу?"

Великий инквизитор не может скрыть от истины ложь, и зло предстает уже в своем подлинном виде.

"Но тогда-то и приползет к нам зверь, - продолжает Инквизитор. - И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: "Тайна!" Но тогда лишь настанет для людей царство покоя и счаствия. Ты гордишься своими избранниками, но у тебя лишь избранники, а мы успокоим всех".

Но слова Христа звучат по-другому: "Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас."

"Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сде-

лан будет с нашего позволения... наказание же за эти грехи... возьмем на себя... Нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи перед богом", - так саморазоблачается Великий инквизитор перед Христом.

Упоминая о "блуднице, сидящей на звере", Достоевский намекает на 17-ю главу "Апокалипсиса", где окончательно развенчивается Великий инквизитор и его учение. Это глава о "авивлонской блуднице", с которой "блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле". "И пришел один из семи Ангелов, имеющих семь чаш, и, говоря со мною, сказал мне: подойди, я покажу тебе суд над великой блудницею..."

"И я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненным именами богохульными, с семью головами и десятью рогами", - говорит Иоанн Богослов. "Семь голов", это семь смертных грехов, а "десять рогов" есть указание на то, что апокалиптический зверь борется против 10 заповедей божьих.

Великий инквизитор приравнивается к "авивлонской блуднице": он духовно развращает людей.

Инквизитор с темным вдохновением и раскаленной страстью обличает своего пленника; тот безмолвствует и на обвинение отвечает поцелуем. Ему не надо оправдываться; доводы врага опровергнуты одним его присутствием.

Некоторые этот поцелуй в finale "Легенды о Великом инквизиторе" принимают за признание Христом правды инквизитора, а тот факт, что инквизитор отпустил пленника, объясняют актом великодушия, когда, как бы тронутый всепрощающей любовью Христа, инквизитор открывает двери темницы.

Но те, кто так объясняют финал "Легенды", не понимают самое главное: ведь инквизитор говорит слова, мучающие Христа и притворяющие его к кресту еще больше, чем голгофские гвозди. Инквизитор говорит Христу: "Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!"

В чем смысл этого поцелуя Христа? В этом поцелуе есть правда, ибо в нем сам Достоевский, но и неправда, ибо в нем также Иван Карамзин. Правда этого поцелуя в том, что Христос любит всех, в том числе и тех, кто его не любит. Он пришел в мир спасти грешников, и своим поцелуем он призывает их к

покаянию. Вот в чем мысль Достоевского.

Но ведь "Легенда о Великом инквизиторе" является также произведением Ивана Карамазова, и в этом поцелуе есть его неправда: он заставил Христа поцеловать ложь.

Никогда во всей мировой литературе не было такого поразительного гимна духовной свободе, как в "Легенде о Великом инквизиторе".

*****